

СТАНОВЛЕНИЕ СОВЕТСКОЙ ФЕДЕРАЦИИ И МЕСТО СОВЕТСКОЙ УКРАИНЫ В ЭТОМ ПРОЦЕССЕ. К ИСТОРИОГРАФИЧЕСКИМ КОНЦЕПЦИЯМ ПУТИ К ОБРАЗОВАНИЮ СССР

Многогранность всей проблемы начала советской федерации ставит и такие вопросы, каким образом, к примеру, конкретный характер зарождения советской власти, ее укрепления и развития в определенной национальной области бывшей Российской империи повлиял на начало советской федерации, или каким образом отразился в большевистской концепции советской национальной государственности, социалистической федерации и национальной политики вообще. Следовательно, мы избрали Советскую Украину, не только как вторую по величине из советских республик, но прежде всего, как республику, где советская власть в данном историческом периоде длилась (и в течение гражданской войны удержалась) после РСФСР дольше всего и где органы государственной власти и их аппарат были вслед за РСФСР наиболее стабилизированные и наиболее разветвленные. Был проведен ряд исследований, как на уровне большевистской концепции украинской советской государственности, так и на уровне конкретных отношений отдельных государственных органов Украинской ССР и РСФСР, прежде всего народохозяйственных, военных дел и иностранных дел. Предлагаемая работа является синтезом результатов вышеупомянутых исследований, проведенным в хронологическом порядке.

Из проведенных исследований взаимоотношений УССР и РСФСР вытекает возможность формулировать некоторые более общие заключения в качестве вклада в дискуссию о характере отношений советских республик до возникновения СССР и также о значении самого возникновения СССР. Прежде всего из данных фактов и связей вытекает еще более ясная беспопорность тезиса, обозначающего отношения советских республик до возникновения СССР федеративными. Другие концепции, наоборот, все выразительнее раскрывают свой характер юридически-формалистических абсолютизаций избранных документов, тезисов или же терминов той эпохи. Таким образом, из исследуемой проблематики особенно выразительно вытекает, что переживающие попытки поставить избранные тезисы основных конституционно-правовых документов и посредством их попытаться объяснить историческую действительность, представляют собой не больше чем метод постели пресловутого Прокруста.

Особенно в том случае, когда некоторые документы лишь внешне носили облик основных государственно-правовых документов, а на самом деле в первую очередь носили манифестационный и декларативный или мобилизационный характер (а такое нам в первые годы советской власти встречается очень часто), результаты конечно получаются очень неадекватные. Похожая опасность грозит и при попытках

дедуктивно воспроизвести основное государственно-правовое значение избранного документа.

Следовательно, и в случае признания нами федеративного характера отношений советских республик и попытки его более близкой спецификации, не станет используемым методом избрание основных государственно-правовых документов, поиск в них понятия федерации и т. п. С другой стороны важно и необходимо следить за развитием понятия федерации, но с четким осознанием того факта, что это лишь развитие субъективного отражения действительности, которое нельзя просто отождествить с самой действительностью. Это различие необходимо иметь ввиду особенно в связи с общеизвестной тенденцией избегать в государственных документах обозначения отношений советских республик как федеративных, характерной для всего этапа до возникновения СССР; тогда в большинстве случаев пользовались менее определенными терминами — союз, соединение, содружество, связь, итп., несомненно с целью не ограничивать процесс самоопределения наций (пока с развитием не появится форма полностью соответствующая принципам самоопределения, провозглашенным еще Октябрем) и также излишне не провоцировать пережитки национализма, и одновременно с международно-политической мотивацией. Правовоформалистическим предрассудком является также попытка искать начало советской федерации в смысле ее основания (в то время, когда нам уже известно, что образование СССР не является таковым). В качестве единственно верного утверждает себя метод детальнейшего анализа конкретных действий государственных органов, и связей между ними, на основе их конкретных задач и общей политической линии в данной сфере государственной власти или управления.

Вместе с тем становится очевидным, что односторонним является сама исходная позиция „отношений советских республик“, что она порождает некоторые неправильные представления, что здесь сначала должны были быть республики сами по себе, и уж потом постепенно могли возникать отношения между ними. Такая исходная позиция может породить и представление о том, что содержанием развития, завершеного возникновением СССР, являлись лишь проблемы совершенствования отношений советских республик на чисто государственно-правовом основании итд.

Общую исходную точку нужно усматривать в революционном ниспровержении империалистической унитарности старой Российской империи, которое началось еще в феврале 1917 года и было завершено после Октября. Суть дела заключалась не только в распадении на национальные единицы. Составной и более существенной частью этого процесса явилось общее разложение единства государственной власти, включая ломку в массовом сознании представления о роли единства государственной власти. Это расхождение произошло также на национально-русских территориях на отдельные единицы. На Украине, потом, одним из его экстремальных последствий явилось возникновение Донецко-Криворожской или Одесской республик итд., на остальной территории пришлось, по меньшей мере, к фактическому ослаблению связей между отдельными уровнями и звеньями государственной власти. Ослабление единства государственной власти, естественно, не должно было дойти до абсолютных масштабов; центр не должен был быть ликвидирован полностью, однако объем его полномочий местные звена предоставляли только до той меры, до какой они были бы полезны с точки зрения местных потребностей. На центр возлагались надежды, что он станет ощутимой опорой местных органов, а одновременно с этим эти органы рассчитывали на свою полную суверенность в местном масштабе. Наряду с объективной потребностью обновления единства государственной власти (которая остро проявилась уже в 1918 г.) в структуре государственной власти появился новый элемент — область, который на практике (объемом своего полномочия) более или менее сравнивался с органами власти на национальных территориях. Область однако стала препятствием дальнейшей концентрации государственной власти, была затем постепенно ликвидирована; но тем самым было необходимо обеспечить, чтобы

процесс концентрации не коснулся в одинаковой степени и национальных территорий, хотя объективные тенденции действовали одинаковым образом; было необходимо обеспечить провозглашенную Октябрем суверенность освобожденных народов, и наряду с этим принимать во внимание необходимость обеспечения социально-политических опор революции и советской власти на национальных территориях.

Процесс концентрации государственной власти не был континуальным, и более того, был локально дифференцирован. В течение гражданской войны проявилась сильная тенденция ко все более глубокой концентрации в областях не затронутых врагом. Наоборот, в областях временно захваченных врагом (особенно в несколько раз захваченных) появилась с одной стороны тенденция к децентрализации, близкая к анархизму, и с другой совершенно обратная тенденция к высочайшей мере концентрации, доводящая до экстремальных иллюзий о максимальной централизации как общеспасительном средстве, тенденция вызванная осознанием собственной слабости и потребности опереться на кого-нибудь покрепче. Только в заключение гражданской войны возникли объективные предпосылки постепенного применения принципа целесообразной меры централизации и одновременного эффективного использования местных источников и местной инициативы. Эту согласованность опять таки нужно было реализовать на всей советской территории и следовательно, только само образование СССР окончательно и последовательно внесло в принцип целесообразной меры централизации также критерий качественной дифференциации по национально-государственным границам.

Итак, начало пути, завершением которого стало возникновение СССР, мы должны понимать как недифференцированное единство противоречиво характерное высокой мерой децентрализации. Постепенно параллельно процессу концентрации государственной власти постоянно умножались задачи государственной власти, они качественно углублялись, некоторые из них радикально менялись; наряду с этим возникали новые органы, перестраивались старые органы, постепенно уточнялись их компетенции и отношения. В рамках этого процесса повседневно решалось противоречие централизации и децентрализации (объективные предпосылки которого именно выразительно изменились при переходе к послевоенному восстановлению); одной из сторон этого процесса стало все более последовательное укрепление суверенитета наций посредством уточнения места органов советских республик и более детального распределения компетенций между ними и федеральными органами. В этой связи по новому ставится и вопрос суверенитета советских республик и его происхождения. Суверенитет советских республик не является мнимым сохранением суверенитета первоначально независимых советских республик, которые постепенно объединялись в федерацию. Последовательность обратная, советской федерации собственно в своем внутреннем развитии наделять свои основные звенья — союзные республики суверенитетом, выведенным из Октябрем провозглашенного суверенитета наций, и этот суверенитет укреплять, нормативно уточнять и совершенствовать его гарантии, а именно постоянно, значит тоже после образования СССР.

Изначальное недифференцированное единство наглядно приближает и тот факт, что победа советской власти на национальных окраинах стала победой в борьбе против буржуазных националистов, стала отрицанием их попыток отделения от государства победного единого всероссийского пролетариата, итак, в первую очередь, она стала завершением интегральности советской власти. Только в процессе укрепления советской власти на окраинах определились специфические задачи советской власти на национальных окраинах; между прочим возникла необходимость создавать действительно особые звенья власти. В общем, с укреплением связей с союзниками пролетариата, в особенности с крестьянством, начался переход к формированию подлинно национальных советских республик; на Украине стал его значимым компонентом процесс так называемой украинизации. В рамках этого процесса является выразительным качественным скачком именно этап совпадающий по времени с этапом образования СССР, т. е. 1923 г.

Вопрос еще осложняется формами обновления советской власти на национальных окраинах в течение гражданской войны. Центральные органы национальных советских республик восстанавливались постепенно, причем в тесной связи с органами РСФСР, нередко под их непосредственным руководством и в единстве с ними. Следовательно, в начальном периоде, непосредственно после своего формирования, многие органы УССР были более узко и крепко связаны с органами РСФСР чем с подчиненными себе местными звеньями. Вопрос суверенитета советских республик таким образом имеет свою другую сторону в вопросе суверенитета отдельной советской республики по отношению к собственной территории. В связи с названным уже процессом постепенного укрепления и концентрации советской власти также постепенно возрастал суверенитет национальных советских республик по отношению к собственной территории; вместе с тем органам например Советской Украины приходилось преодолевать тенденции и реализованные случаи создания прямых связей местных органов на Украине с верховными органами РСФСР „за спиной“ у соответствующих органов УССР.

Гораздо более чувствительно чем до сих пор нужно было учитывать и момент изменчивости в конкретном содержании значения многих понятий в декретах и постановлениях, обусловленных эпохой, включая основные понятия — федерация, автономия, союзная республика, автономная республика и т. п. Пользование понятиями, обусловленное эпохой, отражает их, в то время не стабилизированное содержание, в некоторых случаях даже растерянность того, кто пользовался этим понятием, или другие обстоятельства. Особенно понятия автономия и федерация долго недостаточно различались, понятие автономная республика стабилизировалось лишь после возникновения СССР (например еще в 1919 году особо не различались Украинская и Крымская республики). Особенно необходимо подчеркнуть, что понятием союзная республика регулярно пользовались и до возникновения СССР (даже в документах внешнеполитического характера); понятие независимая советская республика нужно скорее всего понимать не как понятие обозначающее независимость с общей государственно правовой точки зрения, а (наряду с конкретным проявлением тактики в национальном вопросе) как понятие прежде всего подчеркивающее отношение равенства с РСФСР.

Уточняется и дифференцируется и вопрос об объективных факторах, повлияющих на сближение советских наций и республик, и вопрос о сотрудничестве советских республик до возникновения СССР. Между прочим, еще в прениях по национальному вопросу на XII-ом съезде РКП(б) делегат от КП(б)У Яковлев предупредил (и оказалось, что верно), что факторы сближения советских наций нельзя понимать настолько однозначно и прямолинейно, как в предлагаемых тезисах, что целый ряд факторов (как например необходимость хозяйственного единства) может действовать и центробежно, потому что может вызывать даже недоверие наций, может укрепить великодержавный шовинизм и последующую реакцию, и т. п. Значит, в интересах решения национального вопроса одни и те же факторы вызывают наоборот потребность в укреплении суверенитета советских наций и республик.

Анализируемые проявления сотрудничества и единства несовместимы с концепцией отношений советских республик как более менее международных; также оценки помощи РСФСР остальным советским республикам, переходящие в представление о всего лишь внешней и только односторонней форме этой помощи (в связи с абстрактно понимаемым интернационализмом), вытекают из упрощенного суммирования отдельных данных. Более глубокое общесоветское единое целое в рамках этого вопроса конкретизируется, как минимум, на двух уровнях — военнотрагическом и экономическом. Поскольку в наиболее значимых стратегических направлениях, с запада и юга, РСФСР охранялась остальными советскими республиками, ее активность в формировании вооруженных сил на их территории не могла стать лишь проявлением внешней солидарности, а также актом собственной самозащиты

(притом, в первую очередь, актом защиты всей советской территории); сохранение и отстояние советской власти в центре обратно повлияло на восстановление советской власти в остальных республиках. Аналогично и в сфере международных отношений и иностранной политики; и также в народохозяйственной сфере например интерес к восстановлению разрушенного Донбасса был прежде всего общесоветским и мобилизация материальных ресурсов РСФСР для Донбасса была резервом для оживления промышленности РСФСР и одновременно „рассрочным платежом“ за буферное положение Донбасса.

Следовательно, в общем можно понимать возникновение и развитие советской федерации как путь от недифференцированного единства в конце 1917 года к эстетст-венному применению объективно данных моментов неединства в рамках конкретно дифференцированного единства советской страны. Это конкретное единство постепенно уточнялось, постоянно было, как следует, схвачено субъектом революционной власти, постоянно совершенствующим и все более детально определяющим отдельные отношения. С точки зрения континуитета и дисконтинуитета развития советской федерации стало образование СССР (на этапе декабрь 1922—январь 1924 гг.) прежде всего образованием юридической формы новой, последней и при существующих условиях наиболее совершенной и разработанной структуры советской федерации — в этом смысле оно стало решающей вехой. Принципиальным является и значение образования СССР с точки зрения решения национального вопроса, потому что представляет собой возникновение и развитие СССР особый случай как замысел (очень выразительно провозглашенный уже на XII-ом съезде РКП(б)) наряду с проведением принципа равенства национальных республик обеспечить принцип равенства наций, несмотря на национальную государственность определенной нации (и в связи с этим опять далеко выходит за рамки чисто право-восторической концепции и понимания). С другой стороны содержание советской федерации в ее развитии в грубых очертаниях однозначно континуально начиная с конца 1917 года и до наших дней. В связи с тем еще 20-ые годы полностью представляют собой период значительных изменений и только с начала 30-х годов изменения становятся более постепенными, представляют собой более менее результат забот о постоянном уточнении и одновременно отражение изменения объективных условий. Само учреждение СССР, как наполнение той юридической формы представляет собой более длительный отрезок времени. Для его полного понимания нужен обширный анализ развития советской федерации в последующем периоде до самого 1936 года. Этот период из всей истории советской федерации пока наименее разработан.

Образование СССР как единого союзного государства представляет собой преодоление основного внутреннего противоречия так называемой договорной федерации, противоречия между необходимостью укреплять центральные органы федерации, т. е. органы РСФСР (что и вылилось в план автономизации) и необходимостью реально гарантировать суверенитет союзных республик (что и тяготело к конфедерализации). На этой основе понятны планы Сталина и Раковского, не только как продукт чистого субъективизма, а как результат стремления решить реальное противоречие, но в упрощенном виде, устранением лишь одного звена противоречия. Тем более явной становится вся глубина на первый взгляд простого предложения Ленина.

. . .

В заключение уместно сослаться на некоторые, не всегда должным образом отражаемые взгляды Ленина. Порой нас даже поражает его беспредельная сдержанность по вопросу о конкретизации программы национальной государственности и о формах отношений советских республик. В этом, конечно, отражается его стремление во всяком случае избежать возможности субъективизма, за который пришлось бы

политически полатиться. Следовательно, Ленин в 1917 году не только руководствовался вышеуказанной потребностью не выступать с конкретной детальной программой национальной государственности, пока не будет решен вопрос о власти и пока сами большевики не станут принимать участие в решении национального вопроса на практике. В последующие годы прибавилась точка зрения первоочередности других задач и точка зрения значимости практического опыта. Следовательно, к примеру, еще в конце 1919 года, в письме Ленина украинским рабочим и крестьянам по поводу победы над Деникиным можно встретить высказывания, что сейчас не актуально спорить о том, должна-ли УССР существовать как самостоятельное государство, или в какой-нибудь (и в какой конкретно) форме союза с РСФСР, или вообще не должна существовать как государство. Украинским коммунистам следует единодушно трудиться при решении актуальных задач защиты и восстановления. В письме Ленина VII-му всеукраинскому съезду советов (первому из серии республиканских съездов в декабре 1922 года, на которых принимались постановления об образовании СССР), мы встречаем всего лишь констатацию того, что Ленин ознакомлен с тем, что съезд будет решать вопрос о союзе советских республик, без какого-либо более конкретного намека на точку зрения Ленина. Наоборот, из подтекста звучит предостережение не абсолютизировать проблему. В то же время Ленин совершенно конкретно обращает внимание съезда к двум настоящим и неотложным проблемам — борьбе против бюрократизма, за большую гибкость государственного аппарата, и к задаче ускоренного восстановления тяжелой промышленности, в особенности Донбасса. В других работах Ленина этого времени можно найти предостережение перед излишней спешкой при создании конкретного и окончательного облика Союза ССР; в его последних диктантах по национальному вопросу можно читать о его подозрении, насколько целесообразна проходящая перестройка советской федерации, не направлена ли она лишь на выработку более удобного способа администрирования; Ленин здесь же допускает возможность ликвидации СССР, существенного расширения компетенций республик и решения основных вопросов единой политики только по партийной линии.

Поэтому постановка Лениным вопроса о национальной государственности характерна скорее определением лимитов, за рамки которых не следовало бы выходить, установлением преимущественно того, чего нам не хотелось бы достичь (чтобы государственно-правовые формы не стали препятствием в решении национального вопроса, чтобы они не стали источником недоверия или противоречий между нациями, а наоборот стали основой их сотрудничества и сближения и т. п.). И все это при осознании того факта, что дальнейшее развитие, накопленный опыт и зрелость обстановки попозже дадут возможность своевременно сформулировать более конкретно и то, чего мы хотим добиться, причем при соблюдении принципа, что это лишь один из способов решения национального вопроса.

В общем, реализация ленинской линии государственно-правового решения национального вопроса в советской стране, в которой принимали участие и украинские верховные органы, наконец знаменовала собой углубление и укрепление союза советских республик в виде СССР и одновременно однозначное закрепление суверенитета Советской Украины и остальных союзных республик вместе с подкреплением гарантий этого суверенитета. В рамках созидания Союза ССР были использованы многочисленные принципы, требования и предложения, поднимаемые украинскими органами и их деятелями в течение всего послереволюционного периода, насколько они являлись адекватным отражением реальных проблем революционного развития на Украине и конкретной практики отношений УССР и РСФСР. В установлении конкретного облика СССР (таже как и в последующих его изменениях) оказали действие также конкретные задачи советского общества в отдельных сферах государственной власти и управления, особенно выразительно народохозяйственные задачи. Образование СССР не стало только решением взаимных отношений совет-

ских республик, в первую очередь оно представляет собой коренной качественный скачок в процессе самоопределения наций, начатом еще в Октябре, как государственно-правовая предпосылка и как орудие решения вопроса фактического равенства наций в социально-экономической и культурной областях. И украинские трудящиеся массы, именно требования в этом направлении, решительно и однозначно (хотя и не всегда и четко сформулированно) поставили уже в революционном 1917 году.

Перевели Александра Весела и Виктор Евсеенко

